Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 57.
Eurasian Advocacy. 2026;(4(81)):57.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья
УДК 347.44+340.13
doi 10.52068/2304-9839_2026_81_4_57

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СВОБОДОЙ ДОГОВОРА

РАХМАТУЛЛАЕВ Алексей Ильич
Аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий специалист-эксперт отдела обжалования государственных закупок Управления Федеральной антимонопольной службы по г. Москве
119571, Москва, проспект Вернадского, дом 82, строение 1, Российская Федерация
БАСТРИКОВ Александр Альбертович
Кандидат юридических наук, начальник юридического отдела ООО «Глобал Сервис Групп Академия»
105005, г. Москва, ул. Радио, дом 24, корпус 1, пом. XV, этаж 8, ком.1, оф. 802/11, Российская Федерация

Аннотация: Цель исследования – определить, как современное гражданское право сочетает свободу договора с необходимыми ограничениями, которые защищают интересы участников оборота и общества в целом. Работа показывает, что договорная автономия не может быть абсолютной, а требует четких границ. Авторы сравнивают две модели ограничения: первая основана на императивных нормах, где законодатель заранее запрещает определенные условия (ex ante-регулирование), а вторая – на судебном контроле через оценочные понятия такие как, «добросовестность» и «справедливость» (ex post-регулирование). В российском Гражданском кодексе преобладают императивные нормы (около 1600 против 200 диспозитивных), что существенно сужает пространство для договорной свободы, но одновременно обеспечивает защиту от злоупотреблений. Диспозитивные нормы действуют как правила «по умолчанию», которые стороны могут изменить своим соглашением. При возникновении спора суды применяют оценочные категории – добросовестность, разумность, справедливость, – чтобы проверить законность договорных условий постфактум. Злоупотребление свободой договора пресекается через запреты на обход закона, шикану и антиконкурентное поведение. Таким образом, эффективное регулирование требует баланса между предварительными законодательными запретами и гибким судебным контролем.

Ключевые слова: свобода договора, императивные нормы, диспозитивные нормы, ограничения договорной автономии, злоупотребление правом, добросовестность, ex ante-регулирование, ex post-регулирование, судебный контроль договоров

Для цитирования: Рахматуллаев А.И., Бастриков А.А. Гражданско-правовое ограничение принципа свободы договора и злоупотребление свободой договора // Евразийская адвокатура. 2026. № 4 (81). С. 57. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_57

Current Problems of Advocacy Practice

Original article

CIVIL LAW LIMITATIONS ON THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT AND THE ABUSE OF FREEDOM OF CONTRACT

RAKHMATULLAEV Alexey Ilyich
Postgraduate Student of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Leading Expert of the Department of Public Procurement Appeals of the Moscow Office of the Federal Antimonopoly Service
119571, Moscow, Vernadsky Prospekt, house 82, building 1, Russian Federation
BASTRIKOV Alexander Albertovich
Candidate of Law, Head of the Legal Department, «Global Service Group Academy» LLC
105005, Moscow, Radio Str., 24, building 1, room XV, floor 8, room 1, office 802/11, Russian Federation

© Рахматуллаев А.И., Бастриков А.А., 2026 Распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC BY).

Abstract: The purpose of this study is to determine how modern civil law combines freedom of contract with necessary limitations that protect the interests of parties and society as a whole. The study demonstrates that contractual autonomy cannot be absolute but requires clear boundaries. The authors compare two models of limitation: the first is based on mandatory norms, where the legislator prohibits certain conditions in advance (ex ante-regulation), while the second is based on judicial review through evaluative concepts such as good faith and fairness (ex post-regulation). The Russian Civil Code is dominated by mandatory norms (approximately 1,600 versus 200 dispositive ones), which significantly narrows the scope for contractual freedom while simultaneously providing protection against abuse. Dispositive norms act as «default» rules that the parties can modify by agreement. When a dispute arises, courts apply evaluative criteria – good faith, reasonableness, and fairness – to review the legality of contractual terms ex post. Abuse of freedom of contract is prevented through prohibitions on circumvention, chicanery, and anticompetitive behavior. Thus, effective regulation requires a balance between prior legislative injunctions and flexible judicial review.

Keywords: freedom of contract, mandatory rules, dispositive rules, limitations on contractual autonomy, abuse of rights, good faith, ex ante regulation, ex post regulation, judicial review of contracts

For citation: Rakhmatullaev A.I., Bastrikov A.A. Civil Law Limitations on the Principle of Freedom of Contract and the Abuse of Freedom of Contract = Eurasian Advocacy. 2026; 4 (81):57. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_81_4_57

Введение

Договорная свобода в гражданском праве не является абсолютной категорией и требует установления границ, обеспечивающих баланс частных и публичных интересов. Современное цивилистическое регулирование сталкивается с необходимостью определения оптимальной модели ограничения автономии воли участников оборота, что порождает дискуссию о соотношении предварительного законодательного запрета и последующего судебного контроля за содержанием договорных условий. Проблема усугубляется количественным преобладанием императивных норм в российском гражданском законодательстве при одновременном расширении сферы применения оценочных категорий, что создает неопределенность в правоприменительной практике и требует выработки четких критериев разграничения различных механизмов ограничения договорной свободы.

Концептуальные модели ограничения договорной свободы

Реализация принципа свободы договора базируется на общей презумпции дозволенности: участники гражданского оборота вправе определять условия своих взаимоотношений, пока такие действия не противоречат закону [8, С. 82]. Однако данный постулат не подразумевает абсолютной автономии воли, исключающей любые рамки правового регулирования.

В современной цивилистической доктрине принято выделять две концептуальные модели ограничения договорной свободы. Первая из них предполагает предварительное законодательное закрепление запретов на включение в соглашение определенных условий [6, С. 375]. Подобные ограничения формулируются в императивных нормах, содержащих либо прямые запреты, либо логически вытекающие из них правовые императивы. В научной литературе указанный механизм получил обозначение ex ante-модели ограничения договорной свободы [13, С. 31].

Иной подход к сужению договорной автономии, получивший в доктрине название ex post-модели, предполагает применение судом или иным уполномоченным органом общих оценочных критериев, зафиксированных в законодательстве либо судебной практике [5]. В рамках данной конструкции действительность соглашения и его отдельных положений проверяется постфактум на соответствие установленным правовым эталонам.

Ex ante-регулирование и приоритет императивных норм

Обратимся к первому из названных механизмов – ex ante-регулированию, которое выражается в приоритете императивных начал. Данный подход базируется на прямом законодательном закреплении ограничений, призванных корректировать частную автономию [16, с.89]. Необходимость подобных барьеров продиктована интенсивностью экономических процессов, разнообразием социальных запросов и интересов участников оборота, а также объективной невозможностью законодателя заранее предусмотреть и запретить каждый потенциально нежелательный сценарий. В связи с этим оптимальным решением выступает формулирование государством императивных правил в ключевых областях правового регулирования с последующим их официальным закреплением в нормативных актах.

Современное гражданское законодательство отличается высокой концентрацией императивных предписаний, что закономерно порождает неоднородную правоприменительную практику. При обращении к структуре Гражданского кодекса РФ фиксируется существенный перевес норм

принудительного характера: в акте закреплено около 1600 императивных положений против лишь 200 диспозитивных [6, с.376]. Данное соотношение наглядно демонстрирует приоритет императивного метода в российском договорном праве. Подобный подход вступает в объективное противоречие с принципом юридического равенства контрагентов, существенно ослабляет действие принципа свободы договора и создает системные барьеры для эволюции контрактных отношений [15, с.35].

Диспозитивный метод регулирования как основа частного права

В частноправовой сфере приоритет отдан диспозитивному методу регулирования, который опирается на равноправие контрагентов и выражается в доминировании дозволяющих норм [8, С. 84]. Данный механизм предоставляет субъектам возможность самостоятельно выбирать модель поведения, реализовывать свои правомочия либо воздерживаться от их осуществления, исключая возможность государственно-властного понуждения [3, с.127]. Фактически участники гражданского оборота наделены правом свободно определять свои действия, распоряжаться принадлежащими им субъективными правами по собственному усмотрению в рамках дозволенного. Диспозитивность в гражданском праве представляет собой гарантированную законом юридическую свободу субъекта самостоятельно, в установленных нормативных границах, реализовывать свою правоспособность и принадлежащие ему права [7, С. 142].

В общетеоретической доктрине диспозитивные нормы характеризуются как правила, предоставляющие участникам правоотношений свободу самостоятельного формирования условий взаимодействия [1, с.86]. Подобные предписания применяются субсидиарно, то есть вступают в силу исключительно при отсутствии соглашения сторон по соответствующему вопросу. Фактически они носят факультативный характер и применяются лишь тогда, когда контрагенты не выработали альтернативное регулирование в рамках заключаемого договора. В связи с этим их обоснованно относят к категории восполнительных (субсидиарных) норм, поскольку их ключевая функция заключается в устранении пробелов в договорном регулировании путем применения правил по умолчанию в случае молчания сторон.

Классическим примером реализации данного механизма выступает ст. 421 ГК РФ, закрепляющая принцип свободы договора. Данная статья не только допускает заключение как предусмотренных, так и не предусмотренных законом соглашений, но и формулирует общее правило: законодательно установленные диспозитивные условия действуют лишь при отсутствии иного согласования контрагентами, которые наделены правом исключить такие условия либо заменить их альтернативными положениями [13, С. 33].

Императивные начала и их функциональное назначение

Императивные начала договорного права характеризуются наличием строго обязательных предписаний, правовых барьеров, прямых запретов и позитивных обязанностей, реализующих охранительную, регулятивную и обеспечительную функции. В современной цивилистической доктрине сложился устойчивый научный консенсус относительно того, что императивный метод выражается через общеобязательные веления и ограничения, обеспеченные принудительной силой государства и направленные на защиту публичных интересов, упорядочение гражданского оборота и гарантирование стабильности обязательств [9, С. 5].

Императивность договорного регулирования проявляется в жестких нормативных предписаниях, закрепляющих категорические запреты либо прямые обязанности [4, С. 209]. Подобные нормы исключают альтернативные модели конструирования и исполнения обязательств в той сфере, где законодатель прямо не допускает отступления от установленного правового режима посредством соглашения контрагентов или их одностороннего волеизъявления [16, С. 94].

Императивность выступает универсальным инструментом достижения целей правового регулирования и неотъемлемым признаком объективного права, что обусловливает ее присутствие в любой отрасли правовой системы. Данный феномен формируется под воздействием императивного метода регулирования общественных отношений и реализуется через законодательное закрепление соответствующих ограничений. Внешним выражением императивных предписаний служит фиксация в норме юридических обязанностей либо субъективных прав [16, С. 97]. Функциональное назначение императивности многогранно: она выполняет регулятивную, системообразующую, правонаделительную, обеспечительную и охранительную роли, способствуя выделению и гарантированию реализации наиболее значимых гражданско-правовых институтов. При этом обеспечительный механизм императивных норм опирается на государственно-властное принуждение: законодатель предусматривает возможность

наступления неблагоприятных юридически значимых последствий для субъекта, отступившего от предписанной модели поведения [11, С. 2].

Исторические корни и догматическое разграничение норм

Вопрос о балансе императивных и диспозитивных начал в гражданском праве находится в поле научного внимания отечественной доктрины с конца XIX – начала XX столетия. Уже в трудах дореволюционных цивилистов прослеживается четкое понимание субсидиарной роли диспозитивных норм [13, С. 30]. Подобные предписания носят факультативный характер и подлежат применению лишь при отсутствии волевого соглашения сторон, которые наделены правом заменить законодательные правила по умолчанию индивидуальными договорными условиями.

Императивные и диспозитивные нормы гражданского права занимают противоположные позиции в системе частного регулирования, что обусловлено их различным функциональным назначением. Императивные предписания устанавливают безусловно обязательные правила, не допускающие отступления по воле сторон, и формируют неизменный правовой каркас договорных отношений. Диспозитивные нормы, напротив, носят субсидиарный (восполнительный) характер: они активируются исключительно при отсутствии согласованной позиции контрагентов, восполняя возможные пробелы в договоре и тем самым реализуя начало свободы договора [6, С. 377].

При наличии сомнений относительно юридической природы гражданско-правового предписания следует исходить из его императивного характера, поскольку диспозитивный режим требует прямого и недвусмысленного законодательного закрепления [6, С. 377]. Отступление от императивного предписания допустимо исключительно при наличии в самой норме прямого указания на возможность сторон урегулировать соответствующий вопрос иначе, чем это предусмотрено законодательством. Иными словами, диспозитивный режим применения нормы не может презюмироваться: он требует четкого законодательного допущения, выраженного в форме специальной оговорки, разрешающей контрагентам установить отличные от установленных законом условия в договоре.

Вместе с тем в доктрине обращается внимание на сложность четкого разграничения императивных и диспозитивных предписаний. Существует проблематичность проведения однозначной демаркации между данными видами норм, что обусловлено наличием в гражданском законодательстве положений смешанного характера, а также необходимостью доктринального толкования правовых предписаний в каждом конкретном случае [14, С. 39].

Проблема количественного дисбаланса и его последствия

Следует признать, что в структуре действующего Гражданского кодекса РФ наблюдается устойчивое количественное преобладание императивных предписаний над диспозитивными. Подобная законодательная тенденция объективно сужает пределы договорной автономии, ограничивая возможность контрагентов самостоятельно конструировать условия соглашений в той мере, которая традиционно обеспечивается началом свободы договора [15, С. 36]. В данном контексте существуют объективные ограничения законодательного регулирования: ввиду невозможности заранее предусмотреть все многообразие гражданско-правовых ситуаций, законодатель сталкивается со значительными трудностями при точном определении юридической природы конкретных нормативных положений. Как следствие, в правоприменительной практике формируется устойчивая тенденция к смешению данных режимов регулирования, при которой императивные правила де-факто применяются по диспозитивной модели, и наоборот.

Объективная невозможность законодательного охвата всего многообразия динамично развивающихся социальных потребностей и экономических интересов обусловливает сохранение значительного массива императивных предписаний. Подобное количественное доминирование норм принудительного характера создает системное давление на основополагающий институт частного права – свободу договора [15, С. 37].

Трансформация диспозитивных норм в обязательные правила

В то же время в доктрине обращается внимание на особую природу применения диспозитивных норм: при отсутствии согласованной позиции контрагентов они приобретают общеобязательный характер, фактически выполняя функцию императивного регулятора в рамках конкретного обязательства. Иными словами, диспозитивная норма, восполняя пробел в договорном регулировании, трансформируется в обязательное правило поведения для сторон. Если участники оборота реализуют предоставленное им право выбора и закрепят альтернативные условия, они связаны избранной моделью. В случае молчания сторон к их отношениям автоматически применяется

законодательное правило по умолчанию, которое в данной ситуации становится юридически обязательным.

Классическим примером такого механизма выступает п. 1 ст. 459 ГК РФ, устанавливающая общее правило о переходе риска случайной гибели или повреждения товара на покупателя с момента надлежащей передачи вещи продавцом. Данная норма носит диспозитивный характер, однако при отсутствии в соглашении прямой оговорки об ином распределении рисков она приобретает безусловную обязательность, что наглядно иллюстрирует субсидиарный механизм действия восполнительных норм в договорной практике [12, С. 968]. Следовательно, при отсутствии договорного согласования механизма перехода риска случайной гибели или повреждения имущества к отношениям сторон применяется субсидиарное правило, которое в рамках конкретного обязательства приобретает безусловно обязательный характер [12, С. 969].

Проблема квалификации норм пограничного характера

В рамках доктринальной дискуссии о критериях дифференциации императивных и диспозитивных предписаний целесообразно обратиться к нормам, обладающим пограничным правовым режимом. Ярким примером выступает ст. 782 ГК РФ, регламентирующая право на односторонний отказ от договора возмездного оказания услуг. Законодатель, предоставляя участникам возможность расторгнуть соглашение во внесудебном порядке, одновременно детерминирует имущественные последствия такого шага: заказчик обязан возместить исполнителю фактически понесенные расходы, а исполнитель – убытки, причиненные заказчику.

Отсутствие в тексте статьи классической диспозитивной оговорки («если иное не предусмотрено договором») формально указывает на ее императивную природу. Тем не менее в цивилистической науке данный вопрос сохраняет дискуссионный характер [6, С. 378]. Ряд исследователей и практикующих юристов отмечают потенциальное коллизионное взаимодействие ст. 782 ГК РФ с иными нормами обязательственного права. Указанные квалификационные сложности подтверждаются устойчивой судебной практикой: суды общей юрисдикции и арбитражные инстанции нередко признают ничтожными договорные условия, устанавливающие альтернативный механизм распределения последствий одностороннего отказа, отступающий от прямого законодательного предписания. Подобная правоприменительная тенденция свидетельствует о фактическом признании указанной нормы императивной, несмотря на продолжающиеся теоретические споры о ее догматической природе.

Императивный характер положений ст. 782 ГК РФ получил официальное подтверждение в позиции высшего судебного органа: Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Постановлении от 07.09.2010 № 2715/10 указал: «поскольку право сторон (как исполнителя, так и заказчика) на односторонний отказ от исполнения договора возмездного оказания услуг императивно установлено статьей 782 Кодекса, оно не может быть ограничено соглашением сторон». Примечательно, что суды нижестоящих инстанций первоначально допускали возможность договорного регулирования данного вопроса, признавая действительными условия, отличные от предписаний указанной статьи. Однако вышестоящая судебная инстанция, руководствуясь принципом единообразия правоприменения, пресекла подобную практику, тем самым окончательно квалифицировав спорные положения как императивные. Данный прецедент наглядно демонстрирует, как расхождения в толковании правовой природы нормы на разных уровнях судебной системы разрешаются посредством актов высшего судебного толкования, приобретающих нормативно-ориентирующее значение для всей правоприменительной практики.

Механизм действия императивных норм и последствия их нарушения

Императивный режим правового регулирования проявляется через государственно-властные веления, закрепленные в форме категорических запретов или позитивных обязанностей. Подобные предписания исключают альтернативные модели поведения участников оборота и обеспечены механизмом государственного принуждения, реализующим охранительную функцию права. Автономия воли контрагентов обретает юридическую силу исключительно при условии ее соответствия императивным установлениям законодателя, которые придают договорным конструкциям правовую определенность и порождают корреспондирующие субъективные права и обязанности [2, с.285].

Наглядным примером такого механизма выступает ст. 550 ГК РФ, устанавливающая обязательную письменную форму для договоров купли-продажи недвижимости. Несоблюдение данного императивного требования лишает достигнутые сторонами соглашения юридической значимости: действия по заключению сделки не

порождают предусмотренных законом правовых последствий.

В соответствии с общим правилом, закрепленным в ст. 168 ГК РФ, нарушение императивной нормы влечет недействительность сделки. При этом современная цивилистика и судебная практика проводят строгую дифференциацию: по общему правилу такая сделка признается ничтожной, однако законодатель может предусмотреть ее оспоримость либо установить иные последствия, не связанные с недействительностью. Таким образом, императивные предписания формируют незыблемый правовой каркас, за пределами которого договорная свобода не способна порождать юридически значимых результатов [6, С. 378].

Критерии разграничения императивных и диспозитивных норм

Систематизация изложенных доктринальных положений позволяет выделить три базовых критерия дифференциации диспозитивных и императивных норм гражданского права.

Во-первых, по форме правового предписания: диспозитивные нормы конструируются через дозволительные модели, предоставляющие субъектам возможность выбора, тогда как императивные закрепляются посредством категорических запретов или позитивных обязанностей [1, С. 87].

Во-вторых, по степени государственно-властного принуждения: диспозитивные правила применяются субсидиарно, то есть лишь при отсутствии согласованной позиции контрагентов, тогда как императивные предписания обладают абсолютной обязательностью и не подлежат изменению или отмене по воле участников оборота [16, С. 98].

В-третьих, по модели допустимого поведения: диспозитивное регулирование предполагает вариативность действий сторон в установленных законом границах, императивное же требует неукоснительного следования законодательному эталону без права на альтернативное толкование или отступление [4, С. 210].

Языковые маркеры и средства юридической техники

В современной цивилистике также активно обсуждается вопрос о применении средств юридической техники для наглядного разграничения указанных режимов регулирования [14, С. 40]. Подобные формальные признаки позволяют правоприменителю еще на стадии анализа текста нормативного акта безошибочно идентифицировать диспозитивный или императивный характер содержащегося в нем правила.

Внешним выражением диспозитивного характера норм выступают законодательные конструкции, допускающие отступление от установленного правила по соглашению контрагентов (преимущественно формулировки вида «если иное не предусмотрено договором») [13, С. 34]. Императивные предписания, напротив, идентифицируются через категорические языковые маркеры: «не допускается», «не вправе», «не может», «является ничтожным», «не имеет юридической силы», прямо исключающие возможность альтернативного регулирования [6, С. 377].

Несмотря на наличие указанных формальных признаков, в правоприменительной практике регулярно возникают сложности с однозначной квалификацией правовой нормы. Эффективность любого, даже технически безупречного, закона, полностью определяется корректностью его применения. Ошибочное толкование или механическое использование нормы способно исказить первоначальный замысел правотворца и породить результаты, прямо противоположные целям законодательного регулирования [14, С. 41].

Действительно, принятие нормативного акта представляет собой лишь начальный этап существования права. Подлинная реализация правовых предписаний начинается на стадии их применения, которая неразрывно связана с процессом толкования. Именно поэтому точная идентификация императивного или диспозитивного режима нормы выступает необходимым условием единообразной, предсказуемой и доктринально обоснованной правоприменительной практики.

Императивные ограничения и защита публичных интересов

Ограничение свободы договора императивными предписаниями обусловлено необходимостью защиты публичных интересов, обеспечения баланса прав участников оборота и охраны их законных ожиданий. Условия соглашения, вступающие в противоречие с императивными требованиями законодательства, влекут недействительность сделки целиком или в соответствующей части, а в предусмотренных законом случаях – возникновение обязанности по возмещению причиненных убытков [5].

Динамичное развитие договорной практики объективно опережает законодательное регулирование, что создает трудности для своевременного введения новых императивных барьеров. В результате недобросовестные участники гражданского оборота нередко прибегают к формально легитимным, но фактически направленным на обход правовых запретов схемам. Поскольку

исчерпывающее нормативное закрепление всех возможных моделей злоупотребления правом представляется невозможным, правотворец закрепил на уровне гражданского законодательства общий запрет на недобросовестное поведение.

В частности, ст. 10 ГК РФ устанавливает фундаментальное ограничение свободы осуществления субъективных прав, запрещая действия, совершаемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также иное злоупотребление правом, противоречащее требованиям добросовестности. В системе гражданско-правового регулирования принцип добросовестности выступает фундаментальным ограничителем осуществления субъективных прав. Согласно ст. 10 ГК РФ, не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу (шикана), а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, в том числе в обход закона с противоправной целью. Особым проявлением данного ограничения является запрет на использование прав в целях ограничения конкуренции или злоупотребления доминирующим положением на рынке.

Антимонопольные ограничения договорной свободы

Специальное нормативное закрепление указанные ограничения находят в антимонопольном законодательстве. В частности, ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» устанавливает перечень запретов для хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение. К числу недопустимых действий относятся: установление и поддержание монопольно высоких или низких цен; изъятие товаров из обращения, повлекшее рост цен; навязывание контрагентам невыгодных договорных условий; необоснованное сокращение производства или уклонение от заключения договоров; применение дискриминационных тарифов; создание барьеров для входа на рынок или выхода с него; нарушение установленного порядка ценообразования, а также манипулирование ценами. Подобные императивные предписания формируют правовой каркас, за пределами которого договорная автономия утрачивает юридическую силу, обеспечивая баланс частных интересов и публичных целей экономического регулирования [5].

Ex post-регулирование через оценочные категории

Практическая реализация рассмотренных выше доктринальных конструкций сопряжена со значительными квалификационными сложностями, поскольку их применение требует оценки фактических обстоятельств через призму абстрактных правовых категорий. Объективная неопределенность критериев добросовестности, разумности и справедливости предопределяет роль судебного контроля как основного механизма конкретизации данных понятий: именно суд, анализируя условия заключенного договора постфактум, определяет их соответствие императивным требованиям закона и балансу интересов сторон [9, С. 6].

В действующем гражданском законодательстве и правоприменительной практике можно выделить ряд оценочных понятий (правовых концепций), выполняющих функцию гибкого регулятора договорных отношений: добросовестность (п. 3 ст. 1, п. 5 ст. 10, п. 3 ст. 307 ГК РФ); злоупотребление правами, в том числе «обход закона» (пп. 1, 3 ст. 10 ГК РФ); основы правопорядка (ст. 169 ГК РФ); справедливость (п. 3 ст. 451, п. 1 ст. 308.3 ГК РФ); разумность (п. 2 ст. 6, п. 3 ст. 53 ГК РФ); обеспечение баланса интересов сторон (пп. 3, 5, 9, 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»).

Ограничение договорной свободы посредством оценочных правовых категорий относится к модели ex post-регулирования, предполагающей ретроспективный контроль за реализацией частной автономии. На практике данный механизм активизируется исключительно в рамках судебного разбирательства при возникновении спора между контрагентами. В ходе такого контроля судам вменяется в обязанность осуществлять интерпретацию договорных условий через призму фундаментальных начал гражданского законодательства: добросовестности, согласования воль, справедливости и юридического равенства участников оборота. В случае выявления положений, противоречащих основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), судебная инстанция квалифицирует соответствующую сделку как ничтожную либо признает недействительными ее отдельные условия, тем самым обеспечивая защиту публичных интересов и восстановление нарушенного правового баланса.

Злоупотребление правом как основание ограничения договорной свободы

Ограничение договорной свободы допускается в случаях злоупотребления субъективным правом. Под злоупотреблением правом в цивилистической доктрине понимается осуществление гражданских прав способами или с целями, противоречащими требованиям законодательства, когда поведение управомоченного лица выходит

за пределы допустимого, установленные ст. 10 ГК РФ. Подобная модель поведения характеризуется формальной легитимностью отдельных действий при их фактической направленности на обход правовых запретов, причинение вреда контрагенту или достижение иных противоправных результатов.

Заключение

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что при рассмотрении споров о недействительности сделок вследствие злоупотребления правом суды обязаны устанавливать совокупность юридически значимых обстоятельств. В частности, исследуется экономическая цель соглашения и ее соответствие типичным задачам соответствующего вида предпринимательской деятельности, выявляется факт выхода участников за пределы осуществления субъективных прав, оценивается характер потенциального вреда для контрагентов и третьих лиц, а также анализируется наличие сопутствующих обязательств, исполнение которых может создать объективные препятствия для реализации договорных условий в будущем.

Обобщая изложенное, следует констатировать, что институт свободы договора органично встроен в систему императивно-диспозитивного регулирования. В доктрине гражданского права традиционно проводится дифференциация норм на императивные и диспозитивные. Императивные предписания формулируют безусловно обязательные правила поведения, не допускающие их изменения или отмены по соглашению контрагентов, что обеспечивает стабильность правопорядка и защиту существенных интересов участников оборота. Диспозитивные нормы, напротив, носят субсидиарный характер: они устанавливают восполнительное правило, действующее по умолчанию, однако предоставляют сторонам право согласовать альтернативный вариант регулирования в пределах, не противоречащих закону. Таким образом, диспозитивность обеспечивает вариативность договорного конструирования, тогда как императивность формирует неизменный правовой каркас, гарантирующий баланс частных и общественных интересов.

Список источников

1. Архипова Е.Ю. Теоретический анализ диспозитивных норм права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 5 (154). С. 84–90.

2. Беляева Г.С. Правовой режим: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 1. С. 281–293. doi: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293.

3. Зубкова А.Е., Ткаченко А.В. Применение принципа диспозитивности в решениях судов Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2023. № 9-2 (144). С. 23–26.

4. Кирпичева А.А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 40 (487). С. 208–211.

5. Корольков М.А., Певцова И.Е. Свобода договора и ее пределы: императивные ограничения и диспозитивное регулирование // Вестник науки. 2025. № 5 (86). С. 471–479.

6. Кузнецова Н.В. Виды ограничений свободы договора в гражданском праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2024. № 2. С. 375–378.

7. Летягина Е.А. Принцип диспозитивности в гражданском праве: современные тенденции // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 339–342.

8. Суханов Е.А. О взаимодействии правовых и экономических подходов в изучении имущественных отношений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2023. № 6. С. 80–95.

9. Титова Е.С. Принцип добросовестности как торжество силы права в гражданском процессе // Legal Bulletin. 2026. № 1. С. 94–103.

10. Федоров С.М. Императивность как залог успешного взаимодействия общества с государством // Вопросы российской юстиции. 2023. № 23. С. 458–462.

11. Asilyan L.V., Necrasova I.E. The essence of state coercion in the mechanism of legal regulation // SHS Web of Conferences. 2023. Vol. 164. P. 1–4. doi: 10.1051/shsconf/202316400092.

12. Fonotova O.V., Ukolova M.D. The impact of foreign economic sanctions on commercial contracts // Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 14. Law. 2022. № 4. P. 963–974.

13. Orlov V. Dispositivity in Russian Business Law // Athens Journal of Law. 2024. Vol. 10, Issue 1 (January). P. 29–46. doi: 10.30958/ajl.10-1-2.

14. Platunova T., Pleshivtseva U., Borodulina T. The Problem of Understanding the Evaluative Concepts of Civil Law: the Ratio of Natural and Legal Language // Legal Linguistics. 2023. P. 38–42. doi: 10.14258/leglin(2023)3007.

15. Vora S. From Ink to Indelibility: Tracing The Alchemic Transformation of Contract Law into A Constitutionally Entrenched Framework, forged by The Fire of Strasbourg and Tempered by The Forging Hammer of Luxembourg // Global Journal of Politics and Law Research. 2023. Vol. 11, No. 3. P. 31–40.

16. Zarra G. The Minimum Content of Imperativeness in European Private International Law: Imperative Norms Originated in EU Law and Public International Law // Imperativeness in Private International Law. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2022. doi: 10.1007/978-94-6265-499-0_4.

References

1. Arxipova E.Yu. Teoreticheskij analiz dispozitivny`x norm prava // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2023. № 5 (154). S. 84–90.

2. Belyaeva G.S. Pravovoj rezhim: ponyatie i priznaki // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2021. T. 25, № 1. S. 281–293. doi: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-281-293.

3. Zubkova A.E., Tkachenko A.V. Primenenie principa dispozitivnosti v resheniyax sudov Rossijskoj Federacii // Vestnik magistratury`. 2023. № 9–2 (144). S. 23–26.

4. Kirpicheva A.A. Princip dispozitivnosti v grazhdanskom processe v Rossijskoj Federacii // Molodoj ucheny`j. 2023. № 40 (487). S. 208–211.

5. Korol`kov M.A., Pevczova I.E. Svoboda dogovora i ee predely`: imperativny`e ogranicheniya i dispozitivnoe regulirovanie // Vestnik nauki. 2025. № 5 (86). S. 471–479.

6. Kuzneczova N.V. Vidy` ogranichenij svobody` dogovora v grazhdanskom prave // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «E`konomika i pravo». 2024. № 2. S. 375–378.

7. Letyagina E.A. Princip dispozitivnosti v grazhdanskom prave: sovremenny`e tendencii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 10 (226). S. 339–342.

8. Suxanov E.A. O vzaimodejstvii pravovy`x i e`konomicheskix podxodov v izuchenii imushhestvenny`x otnoshenij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2023. № 6. S. 80–95.

9. Titova E.S. Princip dobrosovestnosti kak torzhestvo sily` prava v grazhdanskom processe // Legal Bulletin. 2026. № 1. S. 94–103.

10. Fedorov S.M. Imperativnost` kak zalog uspeshnogo vzaimodejstviya obshhestva s gosudarstvom // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2023. № 23. S. 458–462.

11. Asilyan L.V., Necrasova I.E. The essence of state coercion in the mechanism of legal regulation // SHS Web of Conferences. 2023. Vol. 164. P. 1–4. doi: 10.1051/shsconf/202316400092.

12. Fonotova O.V., Ukolova M.D. The impact of foreign economic sanctions on commercial contracts // Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 14. Law. 2022. № 4. P. 963–974.

13. Orlov V. Dispositivity in Russian Business Law // Athens Journal of Law. 2024. Vol. 10, Issue 1 (January). P. 29–46. doi: 10.30958/ajl.10-1-2.

14. Platunova T., Pleshivtseva U., Borodulina T. The Problem of Understanding the Evaluative Concepts of Civil Law: the Ratio of Natural and Legal Language // Legal Linguistics. 2023. P. 38–42. doi: 10.14258/leglin(2023)3007.

15. Vora S. From Ink to Indelibility: Tracing The Alchemic Transformation of Contract Law into A Constitutionally Entrenched Framework, forged by The Fire of Strasbourg and Tempered by The Forging Hammer of Luxembourg // Global Journal of Politics and Law Research. 2023. Vol. 11, No. 3. P. 31–40.

16. Zarra G. The Minimum Content of Imperativeness in European Private International Law: Imperative Norms Originated in EU Law and Public International Law // Imperativeness in Private International Law. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2022. doi: 10.1007/978-94-6265-499-0_4.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.26;
одобрена после рецензирования 17.06.26;
принята к публикации 17.06.26.

The article was submitted 10.06.26;
approved after reviewing 17.06.26;
accepted for publication 17.06.26.